

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

1-ТОМ АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Физика. Часть 2

Цель – рассмотрение основных элементов античной физики, связанных с причинно-следственными связями, детерминизмом и свободой в философии Аристотеля, эпикурейцев, стоиков и скептиков.

План

1. Аристотель о причинно-следственной связи и изменениях.
2. Стоики о причинности.
3. Причинность и детерминизм.
4. Детерминизм и свобода.

Ключевые слова: четыре причины, причинно-следственная связь, изменения, детерминизм, свобода.

Данная лекция, как и предыдущая, посвящена вопросам античной физики, рассмотренным Энтони Кенни в пятой главе его книги.

В своем философском словаре в «Метафизике», а также в «Физике», Аристотель различает четыре типа причины, или объяснения. Во-первых, говорит он, есть то, из чего что-то сделано, например, бронза статуи, или буквы слога. Это называется материальной причиной. Во-вторых, есть форма и рисунок вещи, что может быть выражено в его определении: Аристотель приводит пример о пропорции между двумя струнами в лире, которая является причиной разных звучаний нот. Это – формальная причина. Третий тип причины является источником изменения чего-то или его состояние покоя; последователи Аристотеля часто называют его «действующей причиной». Аристотель приводит в пример человека, принимающего решения, скульптора, вырезающего статую, врача, лечащего больного, и вообще, любого, кто что-то делает или что-то меняет. Четвертый и последний тип причины – это конец или цель, для которой что-то делается; это тип объяснения, которое мы даем, если кто-то спрашивает нас, почему мы гуляем, и мы отвечаем «чтобы быть здоровыми». Этот последний вид причины стал известен как «конечная причина».

В современной философии причинно-следственная связь обычно рассматривается как отношение между двумя событиями, одно из которых является причиной, другое – следствием. Ясно, что структуры причинности Аристотеля отличаются от этого понимания. Он иногда говорит о событиях, вызывающих другие события (афинская экспедиция на Сарды вызвала войну с Персией), но ни одну из причин в своем каноническом списке он не называет эпизодическими событиями. Большая часть из них – это существенные реальности, бытие людей, например, или кусков бронзы; некоторые из них являются устойчивыми состояниями, такими как пропорция между струнами лиры, или как мастерство скульптора (что является более непосредственной причиной статуи). Эффекты, как он их описывает, также могут быть во многих категориях: состояния, действия и средства. Эффекты в третьем типе причин, в действующих причинах, включают в себя субстанции (например, бронза), артефакты (статуя) и события (исцеление пациента). Но это не означает, что, в случае действующей причинности, все, что происходит – всегда событие, пусть это будет изменение в чем-то (выздоровление пациента) или появление чего-то (изготовление статуи.)

Разница между аристотелевской и современной понятиями причины настолько очевидны, что некоторые ученые отвергают традиционный перевод «*aitia*» как причины; они предпочитают другие термины, такие как «объяснение», или говорить о четырех «потому что», вместо четырех причин. Аристотель сам говорит нам, что это четыре типа ответа на вопрос «почему?».

При перечислении четырех причин, Аристотель дает математические примеры формальной причины. Но тип причинности, который его интересовал больше всего, это природа и формы живых существ: именно они обеспечивают объяснение жизненных циклов и характерной

деятельности растений и животных. В этих случаях формальные и конечные причины совпадают: реализация природной формы является конечной целью деятельности организма. Но его также интересовало объяснение изменений между неживыми веществами, в качестве примера он говорит о превращении воды в пар. В таких случаях он использует формальную и материальную причины как объясняющие принципы.

Изменения, для Аристотеля, могут иметь место во многих различных категориях: рост, например, был изменением категории количества, цвет – изменением качества. Локальное движение, как мы видели, это изменение категории места. Но изменения категории вещества, когда происходит изменение одного вида вещи в другой – это особый вид изменения. Когда вещество проходит изменение количества или качества, такое же вещество остается повсюду, со своей существенной формой. Но если одна вещь превращается в другую, что тогда остается? Аристотель отвечает: материя.

Какова природа материи, лежащей в основе существенных изменений? Аристотель объясняет отношение материи к жизненным формам по аналогии с артефактами. Когда бронза превращается в статую, или дерево в кровать, или бесформенное получает форму при переходе в сформированный объект, тогда проявляется скрытый смысл природы субстанции. Аналогия нелегко понять, но именно из таких случаев и выводится аристотелевское понимание материи.

Стоическое понимание причинности и проще, и сложнее, чем аристотелевское. Проще в том, что стоики не считают материальные, формальные и конечные причины, как причины в правильном понимании этого понятия. Сенека, иронизируя над последователями Аристотеля, называл их «толпой причин». Однако, понимание ими действующих причин является более сложным, во-первых, в их применении канонических форм для описания причинно-следственной связи, во-вторых, в богатой классификации различных причин. Самое главное, в отличие от Аристотеля, они предложили универсальный закон причинности, который нужно прописать и защитить.

Стандартный анализ стоиков о причинности был следующей формы: А приводит к тому, что В становится F. А – причина, может быть телом, как и В, но В становится F – не тело, а абстрактная сущность, «*lekton*».

Хотя А и В являются материальными объектами, стоики использовали термин «материя» специально для обозначения В, пассивного элемента в цепи причинности. Таким образом, в стоической причинности имеется следующая триада: причины, материя и следствия.

Стоики ввели понятия совместных причин (*sunaitia*) и вспомогательных причин (*sunerga*). Два вола являются совместной причиной движения плуга, если ни один из них не может тянуть его в одиночку; я – вспомогательная причина, если я помогу вам поднять груз, который вы не можете поднять в одиночку. Признание совместных и вспомогательных причин важно, потому что показывает, что часто может быть неверным суждение о причине конкретного события или ситуации. Причины формируют не цепочку, а сеть.

Для стоиков причины нуждаются не только в изменениях и в начале существования, есть также поддерживающие причины (*aitiai synektikai*), которые способствуют тому, что вещи продолжают существовать. Тела всех видов, например, объединяет активный и хрупкий флюид, называемый «*рнеута*», буквально «дыхание», который отвечает за сплоченность Вселенной. Живые тела поддерживаются живой душой, которая является их причиной поддержания.

Зенон, действительно, объявил эту характеристику особенностью всех причин; но другие стоики, похоже, заявили о другой категории antecedentov (*prokatartikai*) причины, чье действие остается после того, как сами причины удаляются. Кажется достаточно очевидным, что дом существует еще долго после того, как строитель перестал работать. Зенон, кажется, имел в виду причины, которые поддерживали нечто иное, чем существование или жизнь: например, благоразумие приводит к тому, что человек благоразумен, и он благоразумен только до тех пор, пока его благоразумие длится. Благоразумие, следует помнить, было для стоических материалистов физическим ингредиентом персоны.

Хрисипп был знаменит тем, что использовал иллюстрации садового валика или детского волчка. Волчок не сдвинется, если ребенок не ударит его: но после удара он будет продолжать вращаться «по своей собственной силе и природе». Трещина хлыста является предшествующей причиной, но внутренняя сила волчка – это главная причина. Эти иллюстрации были

использованы в попытке согласовать стоическую теорию причинности с возможностью ответственности человека.

Стоики верили не только в универсальную причинность, то есть в тезис, что у всего есть причина; они верили также во всеобщий причинно-следственный детерминизм, то есть, у всего есть заранее установленная причина.

У Асмуса В. Ф. в его «Античной философии» значительное место занимает анализ философии стоиков. Он говорит, что важным понятием для стоиков является понятие о фатуме (роке, судьбе). Каждое причинное действие происходит только согласно определенным законам природы. Если действующее тело, обладающее некоторыми свойствами, соприкасается с другим – пассивным, но также обладающим некоторыми свойствами, то с необходимостью возникает определенное следствие. Отсюда же возникает представление о необходимой последовательности причинно-обусловленных действий. В эту необходимую последовательность входят все отдельные явления, в том числе все кажущиеся вполне произвольными действия живых существ. Цель эта – едина для всего происходящего в мире, так как всякое причинное действие и всякое движение происходят от единого перво двигателя. Однако этот перво двигатель – не неподвижный перво двигатель Аристотеля. Мир – необходимое порождение божественной живой материи – перво материи. Причинная сила как единый поток разделяется на множество отдельных потоков или ручьев, сохраняющих при всем том свое единство и вновь возвращающихся в единый поток. Носителем единой причинной связи всех процессов, происходящих в мире, является единая «пневма», или рок (фатум). Все эти понятия подводят стоиков вплотную к их учению о «провидении» и о «свободе воли в рамках необходимости». Причинное понимание мирового процесса изменяется в телеологическое. Мир происходит из божественного огня, но огонь этот – не только материальная причина и не только закон каузального (причинного) становления. Одновременно огонь этот есть всеведущий ум и духовное начало, полагающее целевой порядок в мире. Одно и то же материальное существо причинно определяет все происходящее в мире и осуществляет во всем происходящем самую лучшую и разумную цель. В мире существует не только подвластный необходимости рок, или фатум, но вместе с ним и благое «провидение». Как целое растение содержится в семени со всеми своими стеблями, почками, листьями, цветами и плодами, так и каждое возникающее в мире отдельное существо уже мыслилось в мировом-целом как понятие, составляло предмет желания, как цель в совокупности целей, было причинно-обусловлено некой силой, направленной на его осуществление. Божественная субстанция – носитель всех порождающих целевых представлений для всех существ. Так сведены у стоиков к единству фатум (рок) и провидение. При этом стоики исходят из аналогии с человеком. В человеке воля ставит целью что-нибудь мыслимое в понятии и осуществляет впоследствии эту цель в физическом мире посредством движения, которое происходит уже по одним лишь механическим законам. То, что происходит в человеке, стоики перенесли на весь мировой процесс. Из божественного перво огня последовательно возникают воздух, вода, земля.

Единство низших элементов сохраняется проникающей их божественной «пневмой», которая имеет различные степени чистоты и силы. В мире неорганическом она действует как слепая необходимость и причинность; в растительном мире – как еще слепая, но уже целесообразно действующая из центра к периферии формирующая сила природы; в мире животном – как душа, слепая к понятиям ума, не целесообразно желающая и действующая по представлениям; наконец, в человеке она впервые начинает логически действовать как душа, разумно познающая и желающая разумного. Взгляд на божественную «пневму» как на существо единое во всех своих многообразных проявлениях дал Хрисиппу основание утверждать, что все происходящее согласно року происходит одновременно и согласно провидению. Однако это представление окажется ошибочным, если учесть, что «пневма» в различных областях действует различными способами. Поэтому между роком и провидением стоики помещают посредствующее понятие природы. У него есть общий признак с фатумом – недостаток сознательной разумности – и общий с провидением – целесообразность.

Обратите внимание на крайнюю позицию стоиков, - говорит Кенни. Они утверждают не только, что начало каждого существования имеет свою причину, но все, что происходит, имеет причину. Далее они утверждают, что каждая причина является необходимой причиной: если

есть причина, следствие не может не случиться. Они поддерживают не просто универсальность причинно-следственной связи, но универсальный детерминизм. Это учение, которое позднее стало очень влиятельным, является изобретением стоиков. Ни одно из причинных утверждений стоиков не было принято Аристотелем, а эпикурейцы, принимая универсальность причинности, не признали универсальность необходимости.

Кенни пишет, что учение о судьбе (фатуме) было сразу же подвергнуто философской критике со стороны нескольких кругов, и Цицерон в своем трактате «О судьбе» дает полный обзор аргументов, выдвинутых против стоиков, и ответы стоиков на эти аргументы. Один из известных аргументом назывался Ленивый аргумент (*argos logos*); его целью было показать, что если детерминизм истинный, то нет никакого смысла делать что-либо.

Аргумент представляет, что кто-то обращается к стоическому пациенту на его больничной койке. «Если вам суждено выздороветь от этой болезни, то, независимо от того, вызовете вы врача, или не вызовете, вы выздоровеете; точно так же, если вам суждено не оправиться от этой болезни, то вызовете вы врача, или не вызовете, вам не выздороветь. Одно из двух – ваша судьба: так что нет смысла вызывать врача». Очевидно, аргумент такого же рода может быть применен к любому из нормальных действий жизни.

В ответ Хрисипп провел различие между простым и сложным фактами. Если выздоровление пациента является сложным фактом, связанным с вызовом врача, то вызов врача будет не менее судьбоносным, чем окончательное выздоровление пациента.

Если история мира представляет собой единую ткань взаимосвязанных событий, то не ясно, как далеко может зайти Хрисипп в своем праве делать различие между простыми и сложными фактами. Может быть, действительно, всему сопутствует все остальное.

Тем не менее, Хрисипп имеет право отвергнуть ленивый аргумент. Рассмотрим следующие предложения:

1. Если я вызову врача, то я восстановлюсь.
2. Если я не вызову врача, то я восстановлюсь.

Если мне суждено восстановиться, то каждое из этих предложений – истина; и если интерпретировать каждое из этих положений истинно-функционально, в манере Филона, то каждое из них будет на этом предположении истинно. В том смысле это будет истинно, что, независимо от того, вызову ли я врача, я выздоровею. Но поскольку эти предложения обычно используются, руководствуясь поведением, они должны быть поняты не просто в истинно-функциональном смысле, но еще как поддерживающие соответствующие контрафакты:

3. Если бы я вызвал врача, я восстановился бы.
4. Если бы я не вызвал врача, я восстановился бы.

Но у стоиков нет причин принимать (4).

Более серьезным был аргумент, что если детерминизм верен, то ответственность человека за свои действия испаряется, а похвала и вина становятся бессмысленными. Этот аргумент был выдвинут как эпикурейцами, так и скептиками. Необходимость никому не подотчетна, - сказал Эпикур, - и от чего зависим мы, то, что привлекает вину и ее обратную сторону, должно быть свободно от владычества судьбы. Примирив эту свободу с собственной атомистической системой, эпикурейцы предположили, что атомы участвуют в непредсказуемых отклонениях.

Ни в древности, ни в наше время не было ясно, как такой случайный квантовый рывок мог быть достаточным условием для человеческой свободы; и не только стоики, но и академики тоже считали отклонения атомов не только неразумными, но и не необходимыми.

Многие философы в более поздние века утверждали, что если агент ответственен за действие X, для него должен быть возможным выбор, в момент действия, совершать это действие X, или не совершать. Такой свободе альтернативы выбора позже было дано техническое название «свобода индифферентности». Хрисипп не утверждает, что «свобода индифферентности» совместима с судьбой: его интересует то, что позже философы называли «свободой спонтанности». Агент пользуется свободой спонтанности, если он делает X, потому что он хочет сделать X. Агенты Хрисиппа действительно пользуются свободой спонтанности,

они делают X, потому что они согласны с X, а согласны с X, потому что это исходит из их собственной природы и характера. Ответственность, которую защищает Хрисипп, показывает автономность действия агента, не ограниченную внешними причинами и стимулами.

Современ Хрисиппа и до наших дней философами обсуждалось, насколько можно примирить детерминизм и свободу. Один из наиболее интересных вкладов в эту тему сделал Святой Августин в своей работе «О свободе воли», написанной в год его обращения в христианство. Поскольку Августин переводит обсуждение в этический и теологический контексты, Кенни обращается к этой доктрине в 8 главе своей книги.

Вопросы для закрепления темы

1. Какие четыре вида причин выделяет Аристотель?
2. В чем разница между аристотелевским и современным пониманием причинности?
3. Как вы можете объяснить суть аристотелевского понимания материи?
4. В чем стоическое понимание проще, а в чем сложнее аристотелевского понимания?
5. В чем суть понятий совместных причин (*sunaitia*) и вспомогательных причин (*sunerga*), введенных в философию стоиками?
6. Что такое «ленивый аргумент», и в чем его суть?
7. В чем заключается суть причинно-следственного детерминизма?
8. В чем отличие «свободы индифферентности» от «свободы спонтанности»?

Литература

1. Anthony Kenny. *Ancient Philosophy: A New History of Western Philosophy, Volume 1.* – Oxford University Press. – 2014. – 368 p.
2. Кенни Э. Батыс философиясының жаңа тарихы, 1 том, Антика философиясы. – Алматы: «Ұлттық аударма бюросы» қоғамдық қоры, 2018. – 408 б.
3. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. / Пер. и прим. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Лосева. (Серия «Философское наследие»). – М., Мысль, 1979. – 624 с.
4. Чанышев А. Н. Курс лекций по древней философии. – М., 1981.
5. Асмус В.Ф. Античная философия. – М., 1976.
6. Adler, M. *Aristotle for everybody. Difficult Thought Made Easy.* Published June 1st 1997 by Touchstone (first published 1978).